

18. Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М., 1998. С. 395.
19. Пастернак Б. Великий реалист // Пастернак Б. Указ. соч. Т. 4. С. 407.
20. Пастернак Б. Шопен // Там же. С. 403.
21. Пастернак Б. Поль-Мари Верлен // Там же. С. 395.
22. Пастернак Б. Указ. соч. Т. 4. С. 397.
23. Пастернак Б. О Шекспире // Пастернак Б. Указ. соч. Т. 4. С. 387.
24. Пастернак Б. Указ. соч. Т. 5. С. 240.
25. Мирский Д. Реализм // Литературная энциклопедия / Гл. ред. А. В. Луначарский. М., 1935. Т. 9. Стб. 548.
26. Там же. Стб. 556.
27. Мотылева Т. Л. Реализм // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М., 1971. Т. 6. Стб. 205.

© Боровинский М. Т.
г. Нижний Тагил

ЗНАКИ ВРЕМЕНИ НАЧАЛА 1930-х гг. В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. АВДЕЕНКО «Я ЛЮБЛЮ», А. БОНДИНА «МОЯ ШКОЛА», А. КОРЕВАНОВОЙ «МОЯ ЖИЗНЬ»

Начало 30-х гг. в нашей стране, по определению историков, — это «сталинская модернизация России, которая имела много общего с модернизацией начала XX в. Она тоже носила «догоняющий» характер, преследовала те же цели — ускоренно превращала Россию в великую промышленную державу» [1, с. 124].

В докладах Сталина на 16 съезде ВКП (б) восхвалялись «бешеные темпы», «скачки», ускорения планов первой пятилетки... Трудовые успехи достигались жесткой и жестокой дисциплиной, громадным напряжением человеческих возможностей, репрессиями... Но начало 30-х гг., напряженное и трагедийное, было также пассионарным, пафосным, эти годы «стали пиком использования трудового энтузиазма»: ударничество, сквозные бригады, встречный промфинплан... [Там же, с. 132].

На Урале, как и в большинстве регионов страны, изменялась социальная и культурная структура общества. Ритмы времени (их знак — время, вперед!) приводили к добровольным или вынужденным переселениям многих тысяч людей. Приток в города «раскрестьянившегося» крестьянства изменял основы культуры, население превращалось в «совокупность новых маргинальных слоев, потерявших свои традиционные ценности, не успевшие приобрести новые» [Там же, с. 144].

В социальной, духовной и, в частности, в художественно-литературной ситуации того времени утверждалась и эстетизировалась классовая природа действительности, концепция приобщения человека к смыслам и энергии нового мира. Знаки этих концепций активно проявлялись в прозе, лирике и драматургии нового времени.

Данная статья посвящена комментированию этих знаков в автобиогра-

фических произведениях Александра Остаповича Авдеенко («Я люблю»), Алексея Петровича Бондина («Моя школа»), Агриппины Гавриловны Коревановой («Моя жизнь»).

Произведения этих писателей объединены в один типологический ряд по следующим позициям:

1. Жанровая близость. «Моя школа» А. Бондина — традиционная для русской литературы автобиографическая повесть о детстве и юности. «Моя жизнь» А. Коревановой — книга-исповедь женщины-работницы. «Я люблю» А. Авдеенко — автобиографический роман молодого строителя Магнитки.

2. Единое время создания (1933 г.) в условиях одной региональной писательской организации.

3. Эти произведения замечены и одобрены М. Горьким, главным литературным авторитетом того времени.

Знак, основное понятие семиотики, уверенно входит в сферу многих гуманитарных наук. Его функционирование в литературоведческом анализе как будто оттеснило сферу художественного образа, но в то же время дополняет исследования новыми смыслами и интонациями. Так, например, с помощью знака комментирование автобиографических произведений может быть соединено с проблемой идентичности исповедальности с жизненной художественной правдой.

Парадигму современного противоречивого понимания термина «знак» можно определить кратко следующими формулировками и тезисами:

- «Материальный предмет, выступающий как представитель и заместитель другого “преднаходящего” предмета (либо свойства и отношения)» [2, с. 102].

- «Главное в знаке то, что без чего нет знака, не вещественность, а значение... Определить значение непросто, учитывая его масштабность, многоаспектность и полифункциональность» [3, с. 108].

- «Есть эстетические знаки, но — это символы, аллегории, топосы, темы и мотивы, которые в любом произведении связаны с образным отражением действительности» [4, с. 52].

- «Важнейшим условием функционирования знака является известное постоянство его понимания» [Там же, с. 14].

- Понимание знаковой единицы «зависит от системы, в которую единица включена» [Там же, с. 25].

- «Каждый семиотический анализ — только часть общего анализа, он позволяет лучше видеть различные элементы, слои, уровни произведений» [Там же, с. 52].

Художественный образ — это иконический знак, но значение знака и образа может не совпадать по структуре смысла и интонации. Есть возможность подтвердить это самым последним фактом сентября — комментированием знака «Пароход “Челюскин”».

В сентябре 2006 г. средства массовой информации сообщили: «Легендарный символ советской эпохи пароход “Челюскин” обнаружен россий-

скими учеными на дне Чукотского моря. Участникам экспедиции удалось поднять со дна несколько фрагментов и сделать снимки, которые позволили идентифицировать судно. Сомнений в том, что на дне лежит легендарный пароход, практически нет» (по сообщению РИА «Новости», сентябрь 2006 г.).

Определим единицы смысла, значения знака «Пароход “Челюскин” — легендарный символ советской эпохи»:

1. Пароход «Челюскин» построен в 1933 г. и является одним из промышленных подвигов первой пятилетки.

2. Пароходу «Челюскин» было поручено пройти за одну навигацию Северный морской путь от Мурманска до Владивостока.

3. За осуществлением этого подвига следила вся страна — по радио и газетным сообщениям. Все знали руководителя похода О. Ю. Шмидта и капитана парохода В. И. Воронина.

4. Пароход «Челюскин» был раздавлен льдами 2.02.1934 г. Началась героическая эпопея спасения экипажа. Утверждено звание Героя Советского Союза. Первые Герои Советского Союза — летчики — спасатели экипажа парохода «Челюскин» — А. В. Ляпидевский, С. А. Леваневский, М. М. Громов.

5. Всенародное торжество — встреча с экипажем «Челюскин» и летчика-героями.

6. В значении знака «Пароход “Челюскин”» есть еще одна единица смысла: С. И. Челюскин, русский полярный исследователь середины XVIII в.

7. Есть мыс Челюскин, улицы Челюскинцев и др.

Современное внимание к многосмысловым уровням знака «Пароход “Челюскин” как легендарный символ советской эпохи» мы понимаем как признание роли факта, события, стимулирующего человека 30-х гг. жить в пафосной сфере героического жизнеутверждения.

Автобиографические произведения А. Бондина, А. Коревановой, А. Авдеенко создавались в условиях энергичных организационных и творческих перестроек — ликвидация РАПП, дискуссии, подготовка к первому Всесоюзному съезду писателей, обновление творческих планов.

История создания повести «Моя школа» — это медленная, ученическая, но в целом творческая попытка создать автобиографическое произведение, созвучное эмоциональной сфере времени.

Под влиянием конкретных стимулов (участие в конференции по вопросам детской и юношеской литературы, беседы с редактором К. В. Рождественским) А. Бондин в 1933 г. написал несколько автобиографических этюдов о детстве, объединив их названием «Моя школа». Это был зачин, требующий продолжения. «Говорите писателю правду» — так называлась статья И. Горева (Штурм, 1934, № 7), в которой одобрительное мнение дополнялось осуждением панферовского «подъелдыкивания»: «Нетужилка еще чашку щей опрял», «остробычился», «я тебя буду десять раз волтузить» и др.

Работа А. Бондина над вторым вариантом «Моей школы» (издание

1935 г.) совпала по времени с подготовкой книги нижнетагильских горняков «Были горы Высокой»: А. Бондин был одним из авторов этой книги, знал рабочих, которые рассказали ему о деталях быта тагильских горняков в 1894 г. Так, например, Д. П. Дмитриев, очевидец и участник этого бунта, вспоминал: «Пошли слухи, что теперь царская власть и подать будет брать с нас за имущество, до этого не платили с дома, с имущества. И вот чтобы это узнать, выбрали четырех делегатов: Сидорова, Лоханова Ванюшку, Егора Галимасова, Николая Христофоровича Петрова. Пошли они в волость и не вернулись: их арестовали» [5, с. 50].

Во втором издании «Моей школы» (1935) этот текст трансформирован А. Бондиным в сообщение Александра, брата Алеши Бондина:

«Дело-то из-за подати. Помимо всех обложений, земский обложил еще с имущества... Ну все, значит, на дыбы... Как так? Выборных послали хлопотать. А выборных-то арестовали» [6].

Главы второго издания повести «Моя школа» («Бунт», «Недоимки», «Фельдфебель», «Порка») написаны для усиления «воздуха времени», но главные эмоции в них — информационные и иронические: автор ориентировался на самых юных читателей.

Несколько примеров, характеризующих детское видение драматических событий:

«У чугунного памятника стоял большебородый мужик в собачей яге и, размахивая руками, как медвежьими лапами, кричал»... [6].

«Впереди шел офицер... У него было чисто выбритое лицо и разглаженные усы» (100). Фельдфебель «был в коротком мундире... На груди болталась медаль» (105).

«У меня сперло дыхание, в горле стало сухо» (112).

В тексте второго издания повести «Моя школа» отражено авторское понимание горьковской концепции человека. Юный герой показан как ученик множества людей (сказки матери о Нетужилке, рассказ возчика Ферапонта о Демидове («На кой же чомор вы ему сдались, голопупники»), невесты откровения родственников, беседы с учителем Петром Фомичевым («В сознании нарастало что-то смущенное, волнующее и протестующее» — 126).

Жизнерадостные эмоции звучат в главах, посвященных школьным проказам, созданию любовных стихов. И в этих же главах юные читатели узнавали правду далеких дней. Молодой мастер Борисов сказал: «Все мы уходим из дома и не знаем, воротимся целы или нет... Для барина... знает, поди, только пропить капитал, который мы своим потом да кровью создаем» (161).

16 января 1936 г. в «Правде» появилась информационная заметка «40 миллионов детских книг», в которой повесть «Моя школа» была названа в числе лучших книг, рекомендованных для издания в Детгизе.

В 1936 г., готовя к изданию повесть А. Бондина в Детгизе, редактор Е. Лундберг тактично и по-редакторски профессионально советовал писателю усилить революционные интонации повести: «Ясно выраженные типы

революционеров в ту пору попадали только в очень крупных политических центрах (Петербург, Киев и т. д.), да и то были наперечет. Так что тут, правы, конечно, Вы. Но может быть, (только может быть, я отнюдь не хотел бы это навязывать Вам, художнику, и может быть это и неправильно) — можно, сверим по истории, какие крупные акты политические были в центре *в пору вашего детства* — *дать слушок об одном, отраженный и будящий тоску* по сознательным людям, героям, и летучей фразой указать на то, что этого в вашем родном гнезде не было. Или вспомнить отклики на такого рода события. Или воспроизвести... не бывшие, но возможные... Может быть, такой штришок углубил бы историческую перспективу» (письмо Е. Лундберга хранится в архиве музея А. Бондина в Нижнем Тагиле).

Так у А. Бондина возникло два варианта проблемных и жанрово-стилевых направленностей во второй части «Моей школы» («Юношество»).

Первый вариант — усиление, перекодировка интонационной сферы, выбор знаков, характеризующих классовую, пролетарскую ненависть к капиталистическому миру. Наиболее отчетливо такая позиция была отражена в предисловии А. Свирского к его переизданному в 1930 г. автобиографическим произведениям.

«Не моя вина, — писал он, — если не найдут в моем рассказе веселых страниц, как не моя вина и в том, что и на склоне дней мое сердце все еще кипит ненавистью к прошлому, кошмарным призраком встающему пред своей раскрытой памятью» [7, с. 7].

Советы редактора Е. Лундберга открывали перед А. Бондиным возможности тематического и жанрового сближения второй части «Моей школы» с сюжетной логикой и стилем рабочих автобиографий, популярных в те годы.

В России первая рабочая автобиография, написанная В. Герасимовым, появилась в 1906 г. в журнале «Былое». Но еще до этого были нелегально опубликованы речи П. Алексеева, П. Заломова и других рабочих-революционеров.

По просьбе В. И. Ленина были написаны «Воспоминания» одним из героев первой русской революции — И. В. Бабушкиным. Во вступлении к «Воспоминаниям» И. В. Бабушкин так сформулировал свою задачу: изобразить процесс «превращения из самого заурядного, “числительного” молодого человека без строгих взглядов и убеждений — в человека-социалиста» [8, с. 23]. Рукопись И. В. Бабушкина была впервые опубликована в 1925 г., после того как она поступила в Истпарт из Женевы вместе с архивом «Искры».

В 20–30-е гг. в большом потоке опубликованных рабочих биографий были наиболее известны: *Воробьев В. И.* Я вспоминаю (М., 1921); *Гордеев М.* Полвека унижений и борьбы (М., 1925); *Гленкин И.* Из воспоминаний политкаторжанина; *Канатчиков С.* История моего бытия (М., 1934); *Шотман А.* Записки старого большевика (М., 1925) и др.

В повести А. Бондина воплощены некоторые элементы сюжетно-содержательной логики рабочих автобиографий. В главах «В новой семье», «Слу-

чай с прокламациями», «Маевка» и особенно в эпилоге повести автобиографический герой познает азбучные социалистические смыслы и интонации:

- беседа с ослепшим слесарем в доме сормовчанина Ухватова;
- чтение книги М. Горького «Фома Гордеев»;
- герой повести начинает понимать смысл слов «авторитет», «социал-демократ», «социалист-революционер»;
- чтение листовок со словами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»;
- первый революционный экзамен — доставка саквояжа с листовками;
- знакомство с Петром Заломовым, участие в Первомайской демонстрации;
- логическое завершение превращения «числительного» человека в социалиста — эпилог повести, итоговые слова: «Спустя год я возвращался на Урал. Во внутреннем кармане у меня лежала брошюра, в которой была напечатана речь Петра Андреевича Заломова... Чувствую сейчас в себе силу сознания, подготовленную жизнью, укрепленную встречами с людьми: оно настойчиво зовет меня идти дальше по пути непрерывной борьбы с ненавистным царским самодержавием» (363).

Последние главы повести выразительны и привлекательны, но несколько традиционны для сюжетной схемы рабочих биографий. В предшествующих главах А. Бондин преодолел документальный уровень рабочих биографий. Многие главы второй части «Моей школы» посвящены жизни молодого рабочего, но в них не логика приближения к социалистическому сознанию, а онтологическая гуманность, уважение к человеку труда, к его радостям и печалям. А. Бондин сумел при этом осветить драматические события улыбчивыми интонациями. Таковы, например, эпизоды:

- первые рабочие синяки и ссадины («В котле»);
- «Я крепко вступаю в среду людей» (205). Разговоры с рабочим шутиком Барановым («Под шлюзом»);
- веселое мастерство рабочих («Дружки»);
- бытовые ссоры («Раздел дома»);
- Екатерина, жена Павла. Попытка самоубийства («Молва»);
- драматические и комические сцены в больнице («В больнице»);
- главы «Увольнение», «Первое путешествие», «Сосьва», «Буря» — бытовые приключения Алексея Бондина в поисках работы;
- трагическая история одиночки-изобретателя («Изобретение»);
- эпизоды из рабочего быта (главы «Трусов», «Снова на заводе», «Хорошев и Редников», «Молоток» и др.).

В архиве А. Бондина хранятся отзывы юных читателей 30-х гг. Вот, например, одно из них: «Эта книга нравится мне тем, что здесь все как-то похоже на жизнь... Книга написана ярко и разнообразно. Когда читаешь книгу, то вместе со всеми радостями и горестями Алексея, героя книги, переживаешь и чувствуешь все сама... Донбасс, Макеевка, школа 21, Алимова Паша».

Книга А. Бондина нашла своего читателя и стала знаковой в культуре 30-х гг.

Культура большого или малого исторического времени понимается нами как сложная система знаков, и любое художественное произведение, чем-то созвучное времени, — знак этой системы.

Повесть А. Бондина «Моя школа» не является, конечно, эпохальным символом времени, — ее знаковость в том, что автор, преодолев плоскую идентичность художественного мышления и стандартные приемы творчества, соединил правду автобиографических фактов прошлого с жизнеутверждающим пафосом переживаемой современности.

Иной уровень знаковости в повести А. Коревановой «Моя жизнь» (предлагаемое авторское название — «Как я жила и как осталась жива»). «Неудачная жизнь, — писала А. Кореванова, — толкала меня на самоубийство. И вот я решила записать все мои мучения, чтобы нашли после моей смерти мои тетради и узнали причину, заставившую меня покончить с собой» [9, с. 111].

В 1930 г. дневники шестидесятилетней работницы заинтересовали сначала пермских фольклористов, затем свердловских журналистов, а в 1933 г. и самого авторитетного читателя — М. Горького.

В дневниковых материалах А. Коревановой — трагическая обыденность жизни: сиротство, издевательства в доме мужа, рабочие будни, смерть мужа, жизнь без близких и родных, образование — краткосрочные курсы политеграмоты в 1922 г.

Редакторы, в их числе и М. Горький, помогли выстроить дневниковые тексты в хронологическую систему главок («Детство», «Новый царь», «Год четырнадцатый — кровавый» и т. д.).

«Я не умею писать, — восклицала А. Кореванова в одной из глав повести, — я хочу писать. Мне нужна поддержка, чтобы мои мысли принесли хоть какую-нибудь пользу» [Там же, с. 220]. Обратим внимание на эти слова — «хоть какую-нибудь пользу», — в них смысловая синтагма времени, авторская трудовая ответственность человека 30-х гг.

Полезность дневниковых материалов А. Коревановой для читателей 30-х гг. — в их логике утверждения гуманизма нового времени. В наши дни эти материалы интересны для этнографов, фольклористов, а также для литературоведов, исследующих традиции автобиографической прозы.

Произведение А. Авдеенко «Я люблю» — ожидаемое явление на литературном горизонте 30-х гг., его современность прежде всего в биографии автора: внук шахтера, сын доменщика, сирота с раннего детства, беспризорник, очевидец событий Гражданской войны, магнитостроевец, ударник, призванный в литературу.

«Если бы Авдеенко сам не написал эту книгу, — говорил И. Бахтамов на конференции уральских литературоведов, — нужно было кому-то написать такую книгу об Авдеенко» [10, с. 95].

А. Авдеенко не думал о полезности своего автобиографического романа, ему хотелось «выговориться». «Ждали от меня, — писал он позднее, — злободневного, боевого, животрепещущего рассказа, а я подsunул им воспоминания о доподлинном... Пиши об ударниках, о соцсоревнованиях. Неправильно рассуждали ребята. Писал и писал. Хотелось выговориться» [11].

Читатели 30-х гг. (в их числе и М. Горький) восторженно встретили автобиографический роман А. Авдеенко. В последующие десятилетия А. Авдеенко дополнил роман новыми главами.

«Во второй книге, — писал критик В. Сурвилло, — авторская манера состоит в том, чтобы восторженную, приподнятую манеру героя столкнуть с такими явлениями действительности, которые противоречат его избыточной восторженности» [12, с. 252].

В связи с этим произошла перекодировка смысловых знаков. Интонации 60-х гг., вошедшие в новые главы, стали идентичнее реалиям прошедшего времени, но они заслонили, оттеснили эмоциональную знаковость (я люблю!) первого варианта романа.

Автобиографические произведения А. Авдеенко, А. Бондина, А. Коревановой пришли в наше время из другой знаковой системы с обновленным смыслом... Пароход «Челюскин» был побежден льдами, но остался в памяти поколений как символ времени. Есть в этом факте метафорическое сравнение с литературным процессом.

Примечания

1. История Урала XX века. Кн. 2 / Ред. Б. В. Личман, В. Д. Камынин. Екатеринбург, 1998.
2. Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2002.
3. Скиба В. А., Чернец А. В. Знак // Введение в литературоведение. М., 1999.
4. Семиотика и художественное творчество. М., 1977.
5. Были горы Высокой. 3-е изд. Свердловск, 1960.
6. Бондин А. Моя школа. М., 1957. В дальнейшем в скобках — страницы этого издания.
7. Свирский А. По ступеням жизни: (Из истории моего детства). М.; Л., 1930.
8. Бабушкин И. В. Воспоминания. Л., 1925.
9. Кореванова А. Моя жизнь. М., 1938.
10. Бахтамов И. Литературный год // Штурм. 1933. № 11–12.
11. Авдеенко А. Наказание без преступления. М., 1991.
12. Сурвилло В. Испытание счастьем // Новый мир. 1967. № 9.
13. Степанова И. И. М. Горький и Агриппина Кореванова // Учен. зап. Урал. гос. ун-та. 1967. Вып. 4.

© Бреева Т. Н.
г. Казань

ИНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МИФА РОССИИ (на материале русского историсофского романа XX в.)

Одним из основных факторов формирования и функционирования национального мифа становится восприятие Себя в зеркале Иного/Другого. А. Г. Здравомыслов [1], выдвигая тезис о референтной характеристике национального самосознания, демонстрирует закономерность соотнесения соб-